

НИКОЛАЙ МИНИНКОВ

Метод поколений Х. Ортеги-и-Гассета и история Дона XVII в.

Утверждение гуманитарного статуса исторической науки стало одним из магистральных направлений ее развития в XX в. Это проявилось в стремлении историков к отходу от социологизма, имевшего заметное место в исторических исследованиях при распространении во второй половине XIX в. позитивистской их парадигмы, в поисках путей к человеческому измерению истории. Для самой исторической науки это имело большое значение, поскольку более четко определялось место ее в научном познании, объект и предмет исследования, специфика как научной дисциплины и разграничение с комплексом дисциплин обществоведческого цикла. Закладывались прочные предпосылки ее самостоятельного развития, вне связи с ролью поставщика фактов для выводов теоретического характера, которые должны делаться, в соответствии с позитивистскими установками, социологией и другими обобщающими дисциплинами.

Такое представление об истории выдвигало некоторые проблемы исторического значения, которые способны были в виду своей значимости привлечь внимание не только историков, но и философов. Среди них — проблема места человека в историческом процессе, которая имеет философскую, концептуальную и методологическую значимость. При ее разрешении сложились две основные точки зрения. Первая состояла в том, что признавалась первичность человека и решающее воздействие человеческого начала на общественное развитие. Это находило отражение в исследовательском моделировании хода истории, когда объяснительная модель строилась в зависимости от учета в первую очередь индивидуальных черт и качеств личности. Результатом стало распространение антропологического подхода к истории, а также имевшего существенную близость к нему психологического подхода¹. Последствием же было ограничение рациональных начал в историческом познании и нарастание иррационализма, стремле-

¹ См.: Шеуджен Э. А. Историография. История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. 227–255.

ния к пониманию явлений прошлого как феноменов культуры и духа, для осознания сущности которых решающую роль играет не рационально-логическое познание, а герменевтика личности². Вместе с тем утверждалась вторая точка зрения, основанная на признании того, что сама личность является продуктом социокультурных отношений, или первичности социума по отношению к индивиду, зависимости личности от социокультурных факторов. Такое понимание оказалось ближе к объяснительной модели, сложившейся в рамках классической историографии. И если первая точка зрения в конечном счете способствовала утверждению с конца XX в. постмодернистской парадигмы исторического исследования, то вторая вела к ее отрицанию и возникновению неоклассической парадигмы, воссоздававшей в конце XX в. некоторые теоретико-методологические основы классической историографии³.

Вне зависимости друг от друга к такому пониманию характера взаимоотношений личности и общества пришли два крупных направления в историческом познании прошлого столетия. Одно из них составляло направление «Анналов». Другое, в целом менее известное у нас, представлял один из крупнейших мыслителей XX в. Х. Ортега-и-Гассет, идеи которого в отношении исторического исследования изложены в концентрированном виде в его труде «Вокруг Галилея (схема кризисов)», который являлся курсом лекций, прочитанным в 1933 г., в связи с 300-летием отречения Г. Галилея от учения Коперника.

Для Ортеги и основоположников направления «Анналов», М. Блока и Л. Февра, характерны аналогичные представления об объекте, предмете и методе исторического исследования. Взгляд на историю как на гуманитарную дисциплину, ставившую человека в центр своего внимания, сочетался у них с признанием невозможности понимания истории, основанного на познании исключительно человеческой психологии. В этой связи Блок и Февр посчитали необходимым специально заявить об этом, подчеркивая в то же время гуманитарный характер истории. Как утверждал Блок, «предметом истории является человек». Но тут же делал характерное добавление: «Скажем точнее — люди»⁴. По словам же Февра: «История — наука о человеке», но и также: «История — дело рук человека»⁵. Следовательно, в истории они видели науку не просто о человеке, а об обществе людей, или о человеке, но в обществе и как части такого общества, поскольку «делать историю» способен только человек в обществе. Точно также Ортега ясно разграничивал ис-

² См.: Соколов А. Н. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век: Монография / Под ред. А. Н. Сахарова. М., 2002. С. 310–316.

³ См.: Лубский А. В. От монизма к плюрализму: постнеклассическая модель исторического исследования // Эссе Номо (Памяти Э. Г. Алавердова. 1947–1996). Ростов-на-Дону, 2000. С. 41–69; его же. Постмодернизм и историческая наука // Гуманитарный ежегодник. 1 / Отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов-на-Дону, 2002. С. 54–69; Узнародов И. М. Нужен ли нам постмодернизм? Размышления историка // Эссе Номо (Памяти Э. Г. Алавердова). С. 30–40.

⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 17. Под «предметом истории» Блок имел в виду то, что в методологии истории признается за ее объект.

⁵ Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 387.

торию и психологию. «История — не психология», — заявлял он, и отмечал, что этой дисциплине «пора избавиться от психологизма и субъективизма»⁶, распространившихся на историософской основе психологизирующей философии жизни конца XIX в., начала которой изложил В. Дильтей⁷, и при этом видеть человека в его общественных связях и проявлениях.

Такое понимание объекта исторического исследования не ставило у Ортеги историю в положение науки обществоведческого цикла и сохраняло ее гуманитарный характер даже при том, что он не мыслил исторического изучения человека вне общества. Этому способствовало определение им предмета исторического исследования. Предметом дисциплин обществоведческого цикла являются те или иные формы движения социальных структур. Предмет же истории, согласно взглядам Ортеги, заключается в том, чтобы понять, «как изменялась объективная структура жизни». Имел же он в виду жизнь как человека, так и общества людей. А поскольку «жизнь — это всегда драма», то именно она является предметом исследования, так как драма — это действие, изменение, процесс. Цель же исторического исследования при таком понимании его предмета — «воссоздание структуры драмы, которая разыгрывается между человеком и миром»⁸. Но поскольку драма представляет собой категорию, присущую исключительно человеку и его жизни, то познание ее возможно в рамках гуманитарных наук или же, по-своему, литературы и искусства, но не обществоведения, что свидетельствует о понимании Ортегой истории как гуманитарной дисциплины.

Объекту и предмету истории соответствует представление о методе исследования. Так, установка позитивистской методологии: «История пишется по документам»⁹, отвечавшая коренным ее принципам объективности и историзма, не удовлетворяла основоположников направления «Анналов». Выдвинутая ими идея тотальной истории как идеал исторического исследования, сутью и содержанием которой, по словам А. Я. Гуревича, была «история людей, живущих в определенном пространстве и времени», понималась ими как история, «рассматриваемая с максимально возможным числом точек наблюдения в разных ракурсах». Это, как полагал Гуревич, позволяло «восстановить все доступные историку стороны их жизнедеятельности, понять их поступки в переплетении самых разных обстоятельств и побудительных причин»¹⁰. Такое понимание истории предполагало расширение обычного представления об источниках исторического познания и выход за рамки традиционной методологии, сложившейся в рамках классической историографии XIX в., в частности, умение правильно поставить проблему, увидеть и верно интерпретировать самые разнообразные следы прошлого, оставленные людьми, в т. ч. «свидетельства» «ненамеренные»¹¹.

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М., 1997. С. 249.

⁷ См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории // Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 165–167.

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. с. 249.

⁹ Ланглуа [Ш]. и Сеньобос [Ш]. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 13.

¹⁰ Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. С. 522.

¹¹ См.: Блок М. Указ. соч. С. 33, 36, 37.

Новую методологию, связанную с расширением поля наблюдения историка, предлагал также Ортега. Он при этом шел отчасти по пути, проложенному Дильтеем, который рассматривал «историческое познание» как «внутреннее переживание», или выдвинувшим «мысль об историке, живущем в своем объекте, или, скорее, заставляющем объект жить в нем»¹². Эта мысль Дильтея оказалась близка Ортеге, отмечавшему, что «реальность жизни», в т. ч. прошлой, «открыта лишь тому, кто видит ее изнутри, открыта всякому, кто переживает ее, пока сам ею живет». Отсюда, утверждал он, познание прошлой жизни возможно лишь если «смотреть на нее ... со стороны самой этой жизни или того, кто ею живет»¹³.

Принимая идею Дильтея, Ортега в то же время наметил свой метод решения такой промежуточной исследовательской задачи, как проникновение в прошлое и установление в результате этого исторических фактов. Историософской основой для него служило популярное направление философии XX в. — экзистенциализм, с позиций которого всякая жизнь индивида или общества в прошлом или настоящем рассматривалась как драма, причем жизнь находилась в постоянном изменении. Человека он признавал творцом мира, который «создает горизонт жизни» и постоянно «преобразует ... структуру жизненной драмы», но при этом и «сам постоянно меняется»¹⁴. Жизненная драма человека, однако, как обращал внимание Ортега, разворачивается не сама по себе и не может быть понята индивидуально, или изолированно. Она «переплетена с жизнями других, а те, в свою очередь — еще с чьими-то жизнями; иначе говоря, каждая жизнь ввергнута в определенные обстоятельства коллективной жизни». Это оказывает воздействие на личность, которая тем или иным образом впитывает «идеи эпохи», или дух своего времени¹⁵. Носителем этих идей выступали, согласно Ортеге, сменявшие друг друга поколения людей. Поколение, или генерацию он определял как «общность сосуществующих в одном кругу сверстников»¹⁶. Поколения — это разный жизненный опыт, разные взгляды на мир, по существу разные люди. Отсюда, по мнению философа, источник исторической драмы, поскольку столь разные люди «обречены быть одним и тем же «сегодня»», что само по себе «с избытком выражает драматизм, конфликт и борьбу, характеризующее само содержание истории и любого современного существования»¹⁷.

Предлагая метод поколений в историческом исследовании, Ортега подчеркивал его связь с объектом и предметом истории. Поскольку «темой (в теме объединяются объект и предмет науки и выражается поставленная проблема исследования — *Н. М.*) истории является не сама человеческая жизнь (это предмет философии), а ее изменения, модификации, то именно значимый мир — каждый его момент — служит основным историческим фактом»¹⁸. Эти изменения, модификации жизни людей могут быть поняты через метод поколений,

¹² См.: Коллингвуд Р. Дж. указ. соч. с. 165.

¹³ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 253.

¹⁴ Там же. С. 257.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 261.

¹⁷ Там же. С. 260.

¹⁸ Там же. С. 267.

поскольку в отношении между поколениями Ортега усматривал не «последовательность, а своего рода полемику одного (поколения – *Н. М.*) с другим»¹⁹, а в конфликтах поколений видел скорее норму жизни, чем аномалию, при том, что каждая новая генерация людей, признавал он, вбирала в себя культуру прошлых поколений.

Предложенный Ортегой метод поколений интересен как метод в первую очередь теоретического построения. При этом Ортега внес существенное уточнение в понимание феномена поколения и границ возможного применения метода. Связывая историческую категорию поколения с такой биологической в своей основе составляющей, как возраст человека, он предложил свое решение сложной историософской проблемы соотношения в человеке биологического и социального начала. При всей ограниченности такого решения оно может быть принято в практике исторических исследований, поскольку очевидно, что, как правило, общественно-историческая роль разных генераций людей неодинакова, и с возрастом человека она может существенно меняться. Тем более, что сам Ортега указывал на определяющую роль социального начала по сравнению с биологическим, поскольку возможность заниматься «позитивной исторической деятельностью» для личности, как правило, не совпадает с возрастом физического расцвета человека. По его мнению, смена поколений, и, соответственно, «облик жизни меняется каждые пятнадцать лет»²⁰. Он полагал, что наиболее творческий и продуктивный возраст деятельности человека находился между 30 и 60 годами. При этом от 30 до 45 лет человек «обретает новые мысли» и «закладывает основы собственного оригинального мировоззрения», а в возрасте от 45 до 60 лет «имеет место лишь полное развитие идей». Такое развитие он видел в научной и политической деятельности²¹.

Предлагая свой метод, Ортега не считал его универсальным. Он не видел возможности его применения для изучения средневековья, поскольку в то время «человек живет спокойно, будучи вписан в известную картину мира», и полагал, что наиболее отчетливые результаты он может дать при изучении нового времени, когда происходило «созревание ... философии и фундаментальных наук»²². Практическое применение своего метода он показал на примере истории культуры и науки, связанной с именами Декарта и Галилея. Он предлагал в каждом поколении «подыскать фигуру, которая бы наиболее ярко выражала существенные черты указанного исторического периода», и выделял поколения 1626 г. – Декарта, 1611 г. – Гоббса и Г. Гроция, 1596 г. – Галилея, Кеплера и Бэкона, 1581 г. – Дж. Бруно и Сервантеса, 1566 г. – Монтеня, затем – 1551 г. – «без сколько-нибудь заметных исторических фигур»²³. Однако эти выдающиеся личности определяли лицо своего поколения и своей эпохи, а само же поколение Ортега рассматривал как среду, в которой формировалась и развивалась такая личность и которая не может быть понята вне среды, которую составляло ее поколение.

¹⁹ Там же. С. 268.

²⁰ Там же. С. 279.

²¹ Там же. С. 273.

²² Там же. С. 276, 277.

²³ Там же. С. 277–278.

По-видимому, сумев выразить движение идей в истории от поколения к поколению, Ортега не вскрывал причины смены этих идей, носителями которых были поколения²⁴. Едва ли в полной мере он учитывал то, что «полемика» могла происходить не только между поколениями, но и внутри поколения, которое вовсе не отличалось единством перед лицом иных поколений, а размежевание в обществе шло не только и, может быть, не столько между поколениями, а по другим линиям. Тем не менее, метод представляет большой интерес, поскольку направлен на уяснение человеческого содержания истории. Представляется при этом, что Ортега в определенной степени недооценил внутренней напряженности и драматизма эпох, предшествовавших новому времени, в частности, средневековую, переоценил несомненно присущую им застойность. Возможно, что в этом проявилось влияние на Ортегу как мыслителя первой половины XX в. устойчивой просветительской традиции, в соответствии с которой средневековые общества, не отмеченные печатью рационального начала, наполненные пережитками варварства, господством мракобесия, не могли вызывать интерес историка в той же мере, как общества античности или нового времени, построенные, на взгляд просветителей, на началах разума.

Между тем, глубина драматизма и страстей, движение идей и устремлений людей, смена ценностных установок в полной мере были отличительной чертой средних веков. Это позволяет, как представляется, распространить метод поколений на изучение обществ, по уровню своего развития более примитивных, чем общество, породившее Галилея, обществ, не знавших Монтеня, Сервантеса и Декарта, но также раздиравшихся внутренним драматизмом, кипением страстей и способностью к отстаиванию своих ценностей. К таким обществам в полной мере может быть отнесено Войско Донское XVII в.

Применение этого метода к донской истории того времени имеет некоторые особенности. Так, в силу воинского характера донского сообщества, наиболее продуктивный возраст для казака был ниже, чем 45–60 лет. Этот возраст был уже временем старости, причем многие воины не доживали до него. Казачество было в то время обществом людей довольно молодых, что позволяло им совершать боевые подвиги, требовавшие огромного физического напряжения. В источниках, однако, весьма редко встречаются данные о возрасте казаков, хотя упоминания о стариках, старых казаках имели место. Косвенным указанием на возраст могут служить сведения о состоянии здоровья отдельных казаков, которые, однако, также редки. Следует также иметь в виду особенности пополнения рядов казачества, при котором большое значение имел приток людей извне, более всего из России, и, следовательно, формирования поколений казаков.

Первое поколение донцов XVII в., 1600–1615 гг., — генерация Смутного времени. Участвуя в развернувшихся в России событиях, казаки отстаивали вольность как главную свою ценность и пытались распространить ее по всей стране во время своих крупномасштабных выходов на территорию

²⁴ См.: Гайденок П. П. Буржуазная философия в поисках реального содержания исторического процесса // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 88–104.

внутренних уездов России вместе с Лжедмитрием I, затем с И. Болотниковым и «царевичем Петром», и, наконец, с Лжедмитрием II. Главным своим противником они считали дворянство, видевшее в казаках, в свою очередь, разбойный, «воровской» элемент. На это у дворян имелись основания, поскольку в центре и на севере страны от грабежей казачьих отрядов во времена Тушинского Вора и в заключительный период Смуты серьезно страдало местное население. Часть казаков приняла участие в борьбе за освобождение Москвы в составе ополчений 1611 и 1612 гг. Это позволило казачьим представителям подать свой голос на избирательном Земском соборе 1613 г. Их голос сыграл важную роль в избрании царем Михаила Романова, что в дальнейшем в значительной мере предопределило благоприятную политику по отношению к Дону при первом царе из династии Романовых²⁵. Наиболее яркими личностями, в наиболее полном виде воплощавшими идеи и ценности поколения, были атаманы А. Корела, С. Чертенский, И. Заруцкий.

Поколение 1616–1630 гг. было захвачено идеей борьбы с постоянными противниками казачества – Турцией и Крымом, которая также составляла для казаков традиционную ценностную установку. Вместе с тем оно решительно отстаивало другую свою ценность – суверенитет и свободу Дона в отношениях со старшим партнером – Россией. Получив признание со стороны Москвы вместе с царским знаменем, права на получение регулярного царского жалованья за службу, на свободное посещение родных во внутренних русских городах и уездах и на беспошлинную торговлю там, Войско Донское на деле мало считалось с внешнеполитическими интересами России. Несмотря на запреты Москвы, заинтересованной в мире на южных рубежах ради подготовки войны с Польшей за возвращение утраченного в 1618 г. Смоленска, оно вело непрерывную войну на суше и на море с Османской империей и Крымским ханством²⁶. Видные представители этого поколения – атаманы Е. Радилов, В. Фролов, рано погибший И. Мартемьянов.

Поколение 1631–1645 гг. было ориентировано на борьбу за Азов, имевший для донцов не только стратегическое и политическое, но и символическое значение. Свое право на владение Азовом казаки обосновывали тем, что ранее, т. е. в древности, в низовьях Дона располагался греческий город, о чем они хорошо знали и указывали в Повести об Азовском взятии, что «град Азов поставлен бе от истинныя православныя христианския веры от греческого языка в прежнее лета от древних родов». Но затем «бысть гонение за истинную нашу православную христианскую веру от ... поганского языка бусурманския веры, от агарянского исчадия», в результате чего в «том граде Азове живяху поганские люди»²⁷. Овладение городом,

²⁵ См.: Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983; Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990; Скрынников Р. Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 366–426.

²⁶ См.: Королев В. Н. Босфорская война. Ростов-на-Дону, 2002.

²⁷ Военские повести Древней Руси. М., Л., 1949. С. 47; о том, что город на Дону поставили древние греки-язычники, а не православные христиане, в повести не указывалось, как и то, что Азов был на другом месте, а не на том, где стоял древнегреческий Танаис.

удержание его, а затем — сохранение своих позиций в низовьях Дона и условий для продолжения борьбы за город составило основную идею эпохи и поколения казаков, которую наиболее ярко выразили атаманы И. Каторжный, М. Татарин, О. Петров, Н. Васильев, а также писатель, войсковой дьяк Ф. Порошин.

Поколение 1646–1660 гг., пришедшее на смену героям азовской эпопеи, вело тяжелую борьбу за выживание на Дону против усиливших свой натиск турок, а также отстаивало основы суверенитета и свободы Дона от наступления на них русских властей, пытавшихся воспользоваться ослаблением казачества. Казаки этого времени не допустили изменение церемониала встречи на Дону царского посла, которое должно было подчеркнуть зависимость Дона от русского царя и на котором настаивало русское правительство. Идти на стан к прибывавшему на Дон посланнику и принимать у него царское жалованье, признавая тем самым его более высокой стороной, чем Войсковой Круг, они решительно отказывались, а заставить их сделать это московские власти в то время еще не имели возможности. Внутри поколения казаков наметился раскол прежде всего по социальному признаку, поскольку появилось большое количество новых казаков за счет бежавших из внутренних уездов России людей после принятия Уложения 1649 г. и завершения процесса юридического оформления крепостного права внутри страны. Новые на Дону люди в целом заметно отличались по уровню материального достатка от старожилых казаков и назывались гольтыббой. Эта часть казачества была особенно склонна к грабежам на Волге и Каспийском море, поскольку выходить в Азовское и Черное море против Турции и Крыма и получать боевую добычу в ходе войны с этим традиционным для донских казаков противником стало труднее из-за того, что турки после возвращения в Азов в 1642 г. укрепили устье Дона. Наиболее заметная личность эпохи — атаман П. Федоров.

Поколение донских казаков 1661–1675 гг. в полной мере переживало раскол, наметившийся в предыдущем поколении. Традиционная для донского сообщества идея казачьего единства, основанная на такой ценности, как братство казаков, пришла в противоречие с реалиями внутренней жизни Дона этого времени, связанными с размежеванием казачества по социальному признаку. Такое противоречие вылилось в конечном счете в открытое противостояние казаков по отношению друг к другу в ходе выступления С. Разина, разросшегося до крупнейшего в России XVII в. народного восстания. В ходе восстания размежевание казачества нашло идейное оформление, когда Разин заявил войсковому атаману, своему крестному отцу и непримиримому противнику К. Яковлеву: «ты ... владей своим войском, а я ... владею своим войском»²⁸, что означало впервые за всю историю Войска Донского разделение казачества на два войска. В итоге восстания потерпели поражение не только разинцы, но и казачество в целом, утратившее суверенитет и вынужденное принять присягу на верность русскому царю. Ярким выражением крушения традиционно существовавшего казачь-

²⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов в 4-х т. М., 1954. Т. 1. С. 165.

его единства, которое стало неизбежным результатом противостояния в период Разинского восстания, стала выдача Войском Донским в Москву по требованию русского правительства Степана Разина и его брата Фрола. Наиболее яркие личности этого периода — Разин и К. Яковлев²⁹.

Поколение 1676–1690 гг. оставалось в состоянии раскола, который еще более углубился с появлением значительной группы старшин и казаков, твердо ориентировавшихся на Москву и готовой поступиться ценностями донской свободы в обмен на награды и жалованье. Столкновение их с большинством казачества и частью старшин, ориентировавшихся на традиционные донские ценности, вылилось в форму движения донских старообрядцев конца XVII в. Внутренняя борьба на Дону приняла исключительно ожесточенную форму, когда в ряде случаев доходило до полного истребления целых поселений своих противников как казаками-старообрядцами, так и их противниками, что по существу представляло собой первую в истории Войска Донского братоубийственную войну среди казаков. Русское правительство оказывало в ходе этой борьбы самую решительную поддержку противникам донских старообрядцев и добилось выдачи в Москву предводителей этого движения, в т. ч. впервые в истории Дона — бывшего войскового атамана Самойлы Лаврентьева. После поражения часть казаков-старообрядцев вынуждена была покинуть Дон, уйдя в своеобразную эмиграцию во владения крымского хана на Кубань, а также в Кабарду, на реку Куму и в Дагестан. Поражение донских старообрядцев укрепило позиции той части поколения, которая сделала свой выбор в пользу Москвы. Яркие представители поколения — атаманы Ф. Минаев, твердо ориентировавшийся на Москву, и предводители казаков-старообрядцев С. Лаврентьев, К. Чурносков³⁰.

В поколении 1691–1705 (фактически — 1708) гг. сохранялось глубокое размежевание, завершившееся в условиях беспрецедентного наступления русских властей при Петре I на донские вольности и остатки суверенитета решительным выступлением казачества в 1707–1708 гг. в защиту своей свободы под предводительством К. Булавина. Разгром восстания и последовавшее в ходе его массовое истребление казачества карательными силами привело к гибели значительной части генерации, что создавало важную предпосылку полного подчинения Дона государству. Самой яркой личностью этого времени был К. Булавин, а также его сподвижник, повстанческий атаман И. Некрасов, который в сентябре 1708 г., спасая группу казаков-повстанцев от уничтожения карателями, увел ее на Кубань, где началась более чем двухсотлетняя история многих поколений казаков-некрасовцев, сохранивших в окружении чужой культуры русский язык и старообрядческую веру. На противоположной политической стороне самой заметной фигурой представляется Е. Петров³¹.

²⁹ См.: Соловьев В. М. Анатомия русского бунта. Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994; Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998.

³⁰ См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в XVII в. СПб., 1889; Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское». Исторические пути казаков-некрасовцев (1708 — конец 1920-х гг.). Краснодар, 2001.

³¹ См.: Подъяпольская Е. П. Восстание К. А. Булавина 1707–1709 гг. М., 1962.

Метод поколений, предложенный Х. Ортегой-и-Гассетом, дает возможность понять человеческую составляющую донской истории, за событиями и явлениями увидеть человеческие отношения, глубокие страсти и конфликты, уяснить сложный характер взаимоотношений между поколениями казаков, глубже понять принятую в казачьей среде систему ценностей и движение распространенных в тот или иной период идей, и в этой связи представляется допустимым для использования и весьма перспективным.